

**FILM STUDIES & VISUAL STUDIES | ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА
И ВИЗУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**УДК: 94 (47)^{«1946/91»}

DOI: 10.24412/2618-9313-2024-328-6-18

Ядерная угроза и образ американского врага в советских плакатах холодной войны*ПРОСОЛОВА Е. В.***Для цитирования***Просолова Е. В.* Ядерная угроза и образ американского врага в советских плакатах холодной войны // Телекинет. 2024. N3(28). С. 6-18.**Сведения об авторе**

Екатерина Викторовна Просолова, кандидат исторических наук, исполнитель по гранту, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3937-3851>katerina.prosolova@mail.ru**Аффилиация**

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

Заявление об отсутствии конфликта интересов

Автор(ы) не сообщил(и) о потенциальном или явном конфликте интересов.

Информация о статье: поступила в редакцию 15.07.2024, принята к публикации 05.09.2024.

Аннотация

Появление и эволюция ядерного оружия поспособствовало возникновению одного из главных нарративов холодной войны как в политическом, так и в социокультурном поле. Целью статьи является исследование специфики репрезентации ядерной угрозы в советских плакатах эпохи холодной войны и связь этих репрезентаций с образом американского врага. В рамках изучения данной темы характеризуется место и роль плаката в «культурной холодной войне», а также особенности репрезентации связанных с ней образов. На основе 80 советских плакатов анализируется отражение тем, связанных с возможным применением ядерного оружия и ядерной войной, выявляется их специфика в советской массовой культуре. Автором делается вывод о тесной взаимосвязи между образами ядерной угрозы и американского врага.

Ключевые слова

советский плакат, ядерное оружие, образ врага, пропаганда, холодная война, СССР

Сведения о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305 «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США». URL:

<https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Nuclear Threat and the Image of the American Enemy in Soviet Cold War Posters*PROSOLOVA, E. V.***Citation**Prosolova, E. V. Nuclear Threat and the Image of the American Enemy in Soviet Cold War Posters. *Telekinet*, 2024, no. 3(28), pp. 6-18.**About the Contributor**

Prosolova Ekaterina Viktorovna, Candidate of Science, grant executor, Herzen University, St. Petersburg, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3937-3851>

katerina.prosolova@mail.ru

Affiliation

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

Article information: received on July 15, 2024; accepted for publication on September 5, 2024.

Abstract

The emergence and evolution of nuclear weapons contributed to the rise of one of the main narratives of the Cold War in both the political and socio-cultural fields. The article aims to study the specifics of the representation of nuclear threat in Soviet posters of the Cold War era and the connection of these representations with the image of the American enemy. As part of this theme's study, the author characterizes the place and role of the poster in the "cultural cold war", as well as the peculiarities of the representation of related images. Eighty 80 Soviet posters have been studied to analyze the reflection of topics related to the possible use of nuclear weapons and nuclear war and to reveal their specificity in Soviet popular culture. The author concludes that there is a close relationship between the images of the nuclear threat and of the American enemy.

Keywords

Soviet poster, nuclear weapons, image of the enemy, propaganda, Cold War, USSR.

Information on funding

This work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22–18–00305 "The images of the enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics". URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

В августе 1945 г. впервые в истории человечества было применено ядерное оружие. Уничтожение США японских городов Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами «Малыш» и «Толстяк» кардинальным образом изменило существующий порядок ведения войн. Вслед за США в 1949 г. атомная бомба была создана и в СССР. холодная война, сопровождавшаяся периодами острых международных кризисов, а также гонкой вооружений, закономерно способствовала возникновению в массовом сознании страха применения ядерного оружия и последствий новой мировой войны. При этом в условиях биполярного мира государственные системы СССР и США использовали все средства пропаганды, в том числе и визуальной, для создания образа врага, который выступал источником основных угроз и главным фактором опасности.

Трансформирующееся отношение к ядерному оружию находило отражение во всех видах искусства: музыке (от «Песни про советский атом» (1951) и песни «Дело всенародное» (1953) до оратории (1958) А. Шнитке «Нагасаки» и песни М. Магомаева «Хиросима» 1974), в кинематографе («Здравствуйте, дети!», 1962; «Москва, любовь моя», 1974; «Письма мертвого человека», 1986), литературе («Мама и нейтронная бомба» (1982) Е. Евтушенко) и т. д. Одним из видов массовой культуры СССР, в котором ядерная угроза была представлена наиболее полно, выступал плакат. За счет своей специфики плакатное искусство позволяло быстро и без больших финансовых затрат (в сравнении, к примеру, с кинематографом) с высокой степенью эмоциональности и выразительности раскрыть эту тему с использованием разных сюжетов и приемов.

Кроме того, важность тематики ядерной угрозы подтверждается и тем обстоятельством, что большинство авторов плакатов по исследуемой проблеме являлись ведущими плакатистами эпохи, удостоенными Сталинской премии (В. Иванов, В. Корецкий, Б. Ефимов) и имеющими высокие звания (В. Корецкий, В. Иванов, М. Абрамов, Б. Ефимов, А. Житомирский, В. Брискин).

В соответствии с этим возникает необходимость детального изучения образа ядерной угрозы в плакатном искусстве, рассмотрения его эволюции и развития, специфики взаимосвязи с образом врага.

Историография рассматриваемой темы включает три направления исследований. В первую очередь, это работы в области имагологии, рассматривающие основные этапы эволюции образа американского врага в СССР периода холодной войны. В их числе необходимо отметить монографии А. Фатеева [Фатеев 1999], А. Голубева и О. Поршневой [Голубев, Поршнева 2012], сборники Института российской истории РАН [Россия и мир глазами друг друга 2000–2009], ряд статей отечественных и иностранных исследователей [Вашик 2005; Киуру 2016], [Сенявский, Сенявская, 2006], [Спутницкая 2021], [Юдин 2023], [Клещенко Л. Л., Рябова Т. Б. 2022], [Рябова 2022], а также коллективную монографию, посвященную детальному рассмотрению образа врага в советском и американском кинематографе [«Враг номер один...» 2023]. Второе направление представлено исследованиями, непосредственно изучающими историю развития и специфику советского плаката эпохи идеологической конфронтации: работы советских исследователей [Бабурина 1975; Демосфенова, Нурок, Шантыко 1962; Кудин, Ломов, Митькин, 1987]. В этот перечень также следует включить и труды плакатистов [Ватолина 1970; Житомирский, 1983]. Из числа современных авторов нужно выделить исследования А. Бойко [Бойко 2010], А. Мамедовой [Мамедова 2013], М. Ворошиловой [Ворошилова 2015], Е. Федосова [Федосов 2016], О. Ващук [Ващук 2013], посвященные специфике использования советского политического плаката в качестве важного средства государственной пропаганды в условиях идеологической борьбы СССР и США. Кроме того, необходимо также отметить и значимые работы в современной зарубежной историографии [Bonnell 1997], [Crowley 2008], [Vision and Communism... 2011], [Masnov 2017], [McCallum 2018]. Наконец, третье направление — исследования, непосредственно посвященные роли образов ядерного оружия в холодной войне [Need, Kubyshkin 2019], [Журавлева 2023]. Однако вышеперечисленные труды, несмотря на их значимый вклад в изучение специфики советской визуальной пропаганды, не уделяют внимания знаковому в контексте событий холодной

войны образу ядерной угрозы в советском плакате.

Таким образом, целью статьи является изучение репрезентации тем, связанных с возникновением и применением ядерного оружия в советском плакатном искусстве в контексте пропагандистского дискурса холодной войны и создания образа американского врага.

В рамках работы предполагается решение ряда задач: характеристика места и роли плаката в «культурной холодной войне», анализ специфики репрезентаций ядерной угрозы и эволюции данного образа в плакатах, выявление и типология ключевых символов, используемых в советских плакатах такой тематики для создания образа американского врага.

Совокупность исследовательских задач призвана ответить на следующие вопросы: как и в каких условиях создавались плакаты на тему ядерной угрозы, какие сюжеты и символы в них находили отражение; как они дополняли образ врага и как помогали реализовывать функции этого образа; с какой целью данные нарративы продвигались; какое влияние с учетом своего имагологического потенциала оказали.

Источниками для исследования выступили визуальные материалы, представленные плакатами холодной войны: было выявлено 80 плакатов периода второй половины 1940-х — 1980-х гг., тематика и сюжеты которых непосредственно связана с образом ядерной угрозы.

Часть 1. Образ ядерной угрозы в плакате

Политический плакат в СССР выступал важнейшим средством государственной агитации и пропаганды. После Октябрьской революции плакат как инструмент убеждения не только способствовал утверждению новой идеологии, но и выступал ретранслятором новой цивилизационной аксиоматики [Бабурина, Вашик, с. 84]. При этом технологии идеологического влияния в советской визуальной пропаганде и способы конструирования образа «своего» и «чужого» совершенствовались на протяжении десятилетий первой половины XX века и приобрели новые формы в период холодной войны.

Специфика создания образа врага в плакате напрямую была связана с его особенностями. Как замечает М. Николаева, политический образ врага создается в массовом сознании именно посредством распространения его изображений [Николаева, с. 373]. Таким образом, плакат XX в. обладал полным набором характеристик, выгодно отличающих его от прочих видов искусства: с одной стороны, быстротой создания, возможностью широкого распространения, в том числе в городском пространстве, с помощью издания в виде альбомов, воспроизводства на почтовых открытках и марках, высокой степенью доступности, с другой же — эмоциональностью, выразительностью, способностью визуализировать страшный, пугающий зрителя образ.

Набиравшее ход противостояние между бывшими союзниками требовало трансформации форм и методов ведения «борьбы за сердца и умы». Сообщения о наличии у СССР ядерного оружия усилило «призрака страха» и, в свою очередь, — негативный образ СССР, за счет чего объяснялась активация ядерных программ и гонки вооружений западными государствами [Мельникова, с. 43]. В СССР же во второй половине 1940-х гг. ориентирами для ведения идеологической борьбы стали два партийных документа: «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» (1947) и «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» (1949). В первом из них перед советской пропагандой были поставлены общие задачи «в печати, устной пропаганде и во всей политической и культурной работе», в частности: «раскрывать эксплуататорскую сущность и паразитизм капиталистического общества, показывать во всей широте социальный и национальный гнет при капитализме, антинародное содержание буржуазной демократии и лживый характер так называемых буржуазных свобод» [Сталин и космополитизм..., с. 113]. В документе 1949 г. повторно отражаются заявленные направления идеологического противоборства, однако задачи конкретизируются. Так, издательству «Искусство» предстояло за три-четыре месяца подготовить и издать «брошюру о современном состоянии буржуазного искусства в США, а также выпустить массовым тиражом сатирические плакаты на антиамериканские темы» [Сталин и космополитизм..., с. 322].

Несмотря на интенсификацию антиамериканской пропаганды в советском искусстве, в первый период холодной войны в визуальной пропаганде ядерному оружию пристального внимания не уделялось. Поэтому на плакатах Брискина, В. Говоркова, Корецкого, обличающих «поджигателей войны», атомная бомба (бомба, маркированная буквой «А» в визуальной

репрезентации) являлась лишь композиционным дополнением к образу американского врага. Например, на плакате Говоркова «Не балуй!» 1948 г. главный герой — советский военнослужащий и участник Великой Отечественной войны, грозит пальцем Дяде Сэму, который сжимает в левой руке факел, а в правой — атомную бомбу. На плакате Брискина 1949 г. «Прочь с дороги, поджигатели войны!» на пиратском флаге «поджигателей войны» вместо скрещенных костей нарисованы две скрещенные атомные бомбы. Капиталисты и империалисты с А-бомбами в руках встречаются и на плакатах Корецкого «Крепи трудом мощь нашей страны в ответ зачинщикам новой войны!», «Мир победит», «Мы требуем мира!» (1950) (Ил. 1).

Важнейшей оппозицией советской пропаганды на протяжении всего периода холодной войны, особенно ярко представленной в плакатном искусстве на этапе второй половины 1940-х — первой половины 1950-х гг., выступала оппозиция «мир vs. война». При этом, как замечает Е. Федосов по результатам анализа 147 плакатов за период 1947–1953 гг., динамика использования понятия «мир» прямым образом сочетается с внешнеполитическими событиями, чаще всего оно появляется в плакатах 1950 и 1953 гг. [Федосов, с. 152]. Репрезентация «своих» и «чужих» в большинстве случаев осуществлялась за счет приема противопоставления, призванного подчеркнуть дихотомию образов. Антиамериканские плакаты позднесталинской эпохи, особенно те, которые были задуманы в формате «мы — они», возродили и подчеркнули глубоко укоренившуюся биполярную концепцию

Ил. 1. Брискин В. «Прочь с дороги, поджигатели войны!», 1949.

Ил. 2. Иванов В. «Не допустим!», 1955.

мира [Боннелл, с. 264]. Работы Н. Долгорукова и Ефимова «Поджигателям новой войны следовало бы помнить позорный конец своих предшественников! Н. Булганин» (1948) и «Силы мира непобедимы!» (1949), Л. Самойлова «Прочь с пути!» (1950 г.) визуализируют противостояние двух систем через группы персонажей, наделенные определенными характеристиками. В первой из них, представляющей советский народ или народы мира, герои с одухотворенными, мужественными и волевыми лицами, чаще всего в статике, во второй — внешне отталкивающие враги в хаотичном движении.

9 марта 1953 г., на похоронах И. Сталина, Председатель Совета Министров СССР Г. Маленков заявил: «Советский Союз проводил и проводит последовательную политику сохранения и упрочения мира... политику, исходящую из ленинско-сталинского положения о возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем — капиталистической и социалистической» [Маленков, с. 12–13]. Несмотря на противоречивость дальнейших заявлений и развернувшихся в партийных кругах дискуссий о восприятии концепции мирного сосуществования, к середине 1950-х гг. уже была очевидна смена внешнеполитических акцентов и идеологических установок, которые, в том числе, диктовались фактором усиления советской военной мощи и временным лидерством в создании транспортируемого ядерного оружия [Егорова, с. 457].

В этой связи уместно будет обратиться к программе КПСС 1961 г., которая стала базовым документом, определявшим и закреплявшим идеологическую доктрину государства. Программа гласила, что основным вопросом современности является вопрос о войне и мире, и единственный источник военной опасности — это империализм, который готовит мировую термоядерную войну. Предотвращение этой войны провозглашалось главной целью всех народов Земли. При этом подчеркивалось, что пока остается опасность от империалистического лагеря, «КПСС считает необходимым поддерживать оборонную мощь Советского государства», в том числе с помощью атомного и термоядерного оружия [Программа КПСС, 1961].

Таким образом, борьба за мир во всем мире, являлась базовым постулатом советской идеологической доктрины, основой советской идентичности и внешнеполитической пропаганды с самого начала холодной войны. Соответственно, появление новых видов вооружения представляло собой воплощение глобальной угрозы всей человеческой цивилизации. При этом «мирное сосуществование» рассматривалось как политический курс в качестве альтернативы ядерной войне, но не исключало идеологической борьбы [Холловэй, с. 436–437].

Характерно, что во второй половине 1950-х гг. репрезентации ядерного оружия в плакатах меняются не существенно, однако оно выходит на первый план композиции. Одним из примеров таких работ является плакат Иванова «Не допустим!». На нем видна только рука врага в кожаной перчатке, держащая факел с крупным изображением атомной бомбы. Главным героем перехватывает факел, защищая всю планету от нависшей над ней угрозы (Ил. 2).

На рубеже 1950–1960-х гг. отношение к ядерному оружию, его восприятие и, как следствие, визуальное воплощение образа ядерной угрозы трансформируется. Во-первых, именно к 1960-м гг. в СССР начинается разработка и сведение воедино теоретических подходов к ведению ядерной войны [Рожановская, с. 79]. Во-вторых, после того как в 1959 г. в США и в 1960 г. в СССР на боевое дежурство были поставлены первые межконтинентальные баллистические ракеты, именно ракета стала все чаще появляться в визуальной пропаганде в качестве одного из основных символов войны. Этот символ окончательно закрепился после событий 1962 г. Характерно, что хотя Карибский кризис не нашел своего яркого воплощения на советских плакатах, в карикатуре использовались наработанные антитезы, акцентировавшие внимание на империалистической агрессии США против Кубы и на гонке вооружений, инициированной американцами как поджигателями войны, как отмечает В. Журавлева [Журавлева, с. 92].

После Карибского кризиса, поставившего мир на грань глобальной ядерной катастрофы, антивоенные лозунги в советском политическом плакате зазвучали с новой силой. Несмотря на разрядку международной напряженности, подписание договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и договора по ограничению систем противоракетной

Ил. 3. Бриссин В., Иванов К. «Атомная энергия - дело мира!», 1954.

обороны, ядерная угроза по-прежнему находила яркое отражение в советской массовой культуре. Однако образ американского врага на рассмотренных плакатах, посвященных ядерному оружию этого периода, практически не проявляется. Однако, по всей вероятности, эту тенденцию можно назвать краткосрочной. Устоявшиеся приемы изображения США в качестве источника ядерной угрозы вновь начинают применяться в первой половине 1980-х гг., в одну из наиболее острых фаз холодной войны. Популярностью на протяжении второй половины 1960-х — 1970-х гг. пользуются темы, связанные с разоружением (Р. Сурьянинов «Народы мира требуют прекратить гонку вооружений!», 1975) и произошедшей трагедией Хиросимы и Нагасаки (В. Бегларян «Хиросима», 1974). Кроме того, как и в предыдущие периоды, в плакатном искусстве были сюжеты, связанные с применением атомной энергии в мирных целях (плакаты Корецкого «Достижения науки — производству», 1971; Ю. Голубева «Атому работать на мир, на коммунизм!», 1976). Следует заметить, что на протяжении десятилетий образы «мирного атома» и ядерного оружия разграничивались, но не вступали в противоречие друг с другом, органично дополняя тезис о миролюбивой, созидательной политике СССР, а также о выдающихся достижениях страны. Документальный фильм «Первая в мире» (1955), посвященный строительству Обнинской АЭС, завершается фразой:

МИР СОЗДАВАЛСЯ ВЕКАМИ, ВОЙНА РАЗРУШИТ ЕГО В МИГ

антиядерного движения. Результаты исследований психологов показывали, что у американских подростков страх перед ядерной войной занимал третье место вслед за страхом «смерти своих родителей» и «страхом стать жертвой преступного насилия» [Дериглазова, с. 21]. Во многом это было связано и с доктриной взаимного гарантированного уничтожения, согласно которой применение одной из сторон ядерного оружия неизбежно приведет к полному уничтожению обеих сторон, а также с концепцией ядерной зимы. В западной культуре первой половины 1980-х гг. образы трагичного будущего для человеческой цивилизации возникали в кино («Завещание», 1983; «На следующий день», 1983, — США; «Нити», 1984, — Великобритания; «Свидание на одну ночь», 1984, — Австралия и т. д.), музыке («Breathing», Kate Bush, 1980; «Two Suns in the Sunset», Pink Floyd, 1983 и т. д.). Тем не менее в это же время появляются и произведения, которые оставляют надежду на мир. Немаловажную роль в них занимает символ детства: так, в песне Стинга «Russians» (1985) с его помощью подчеркивается, что, несмотря на различия, люди разных стран одинаковы в базовых ценностях [Riabova, с. 23].

21 декабря 1982 г. на торжественном заседании, посвященном шестидесятилетию СССР, Ю. Андропов заявил: «Наша позиция по этому вопросу ясна: ядерной войны допустить нельзя — ни малой, ни большой, ни ограниченной, ни тотальной. Остановить поджигателей новой войны — нет сейчас задачи важнее. Этого требуют жизненные интересы всех народов» [Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, с. 684]. Однако в визуальной репрезентации первой половины 1980-х гг. призыв к борьбе за мир проявлялся не только с помощью стандартизированных антивоенных плакатов, но и через акцентирование исходящей от врага опасности при помощи образов возможных последствий ядерной войны. Это находит воплощение на плакатах Г. Доленджашвили, В. Пономаревой, А. Бакланова и других художников данного периода. Например, на плакате «Мир создавался веками, война разрушит его в миг» Г. Доленджашвили изображен образ безрадостного будущего для человечества: на переднем плане — груды костей и черепов, на заднем — разрушающиеся в результате ядерного удара шедевры мировой культуры, в том числе античные статуи, египетский Большой сфинкс, Парфенон и Статуя Свободы (Ил. 4).

Не менее важным образом на плакате первой половины 1980-х гг. является нейтронная бомба (N-бомба). Плакаты, призывающие к запретам нового типа ядерного оружия, появлялись и ранее в плакатах Абрамова («Нет нейтронной бомбе!», 1978 г., «Предложение СССР о взаимном отказе от нейтронного оружия», 1979), У. Омурова «Нет нейтронной бомбе» (1979) и т. д. Однако после заявления Рейгана о возобновлении производства нейтронных боеприпасов в 1981 г., возникла новая серия советских плакатов, демонстрирующих результаты их применения. Одним из ярчайших примеров является плакат В. Пономаревой «Нейтронную бомбу характеризуют как бомбу, которая убивает людей, но шадит материальные ценности», который был представлен на международный конкурс «Плакат в борьбе за мир, безопасность и сотрудничество». Плакат представляет собой трансформированную картину «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, на которой фигуры матери и младенца в негативе символизируют исчезновение всего живого. Визуальная составляющая сопровождается циничным описанием оружия, данным его создателем, С. Коэнном (Ил. 5).

Приход к власти М. Горбачева и перестройка поспособствовали дальнейшей трансформации сюжетов, посвященных ядерной угрозе. Чрезвычайно большое внимание, уделяемое Горбачевым проблемам ядерного разоружения, в условиях отсутствия реального представления о степени разработанности программы СОИ, также объяснялась стремлением советского руководства не допустить ее реализации [Полынов, с. 45]. Образы ядерного оружия становятся еще радикальнее и прямолинейнее, что связано со сбывшимся страхом масштабной катастрофы — аварией на Чернобыльской АЭС. «КПСС и впредь будет делать все от нее зависящее для сохранения мирных условий

... нейтронную бомбу характеризуют как бомбу, которая убивает людей, но шадит материальные ценности ...

Синица, Юлиан - интерпретация, Н. Коэнно

«В Советском Союзе сделан реальный шаг в деле мирного использования атомной энергии на благо и счастье человечества». Этот тезис находит свое воплощение и в плакатах А. Кашкуревича «Атом — делу мира!» (1963), Голубева «Атому работать на мир, на коммунизм!» (1976), Корецкого «Достижения науки — производству» (1971, главными героями которых являются советские ученые. Более того, на плакате Брискина и К. Иванова «Атомная энергия — делу мира!» (1954) делается попытка совместить эти две темы: успехи СССР в использовании мирного атома противопоставляются тщетным усилиям «поджигателей войны» (Ил. 3).

Ввод советских войск в Афганистан, начало президентства Р. Рейгана, проведение масштабных учений в СССР в 1982 г. и в США 1983 г., а также объявленная в 1983 г. программа СОИ поспособствовали еще большему развитию страха перед ядерным апокалипсисом и активизации мирового

Ил. 4. Доленджашвили Г. «Мир создавался веками, война разрушит его в миг», 1982.

Ил. 5. Пономарева В. «Нейтронную бомбу характеризуют как бомбу, которая убивает людей, но шадит материальные ценности», 1985

созидательного труда советских людей, оздоровления международных отношений, прекращения захлестнувшей мир гонки вооружений, для того, чтобы отвратить нависшую над народами угрозу ядерной войны. Мир без войн, без оружия — идеал социализма», — гласила новая редакция программы КПСС 1986 г [Новая редакция программы КПСС]. Если в периоды кризисов эпохи холодной войны образ разрушительного оружия всегда выступал инструментом в руках врага и был непосредственно связан с ним, то по мере улучшения советско-американских отношений ядерное оружие стало автономным символом, несущим угрозу всем странам (плакаты Иванова «Не войне, а миру», 1985; А. Арсеньева и Б. Успенского «Ядерные взрывы должны перестать уродовать прекрасный лик

нашего общего дома — планеты Земля», 1987; А. Синишина «Ядерную энергию — на службу мира и прогресса!», 1987). Примечательны и сюжеты серии плакатов за 1988 г. «Главная цель советской военной политики — безопасный и справедливый мир для всех народов», один из которых апеллирует непосредственно к зрителю: «Что ты сделал для мира?» В. Соколова. Кроме того, на плакатах перестройки по-прежнему фигурируют символы мира — голубь, планета, цветы (Ил. 6).

Помимо этого появляется и визуализация союзнических отношений между государствами: чаще всего флаги СССР и США как символ сотрудничества и дружбы. Однако, несмотря на то, что тема мира и разоружения в плакатной графике продолжала разрабатываться, по мере разрядки политической напряженности между Востоком и Западом она утрачивала свою значимость, а в 1989 г. традиционные идеологические ориентиры движением «снизу» были отброшены, уступив место независимой от партии социально-критической направленности политического плаката [Бабурина, Вашик, с. 316].

Часть 2. Образ американского врага

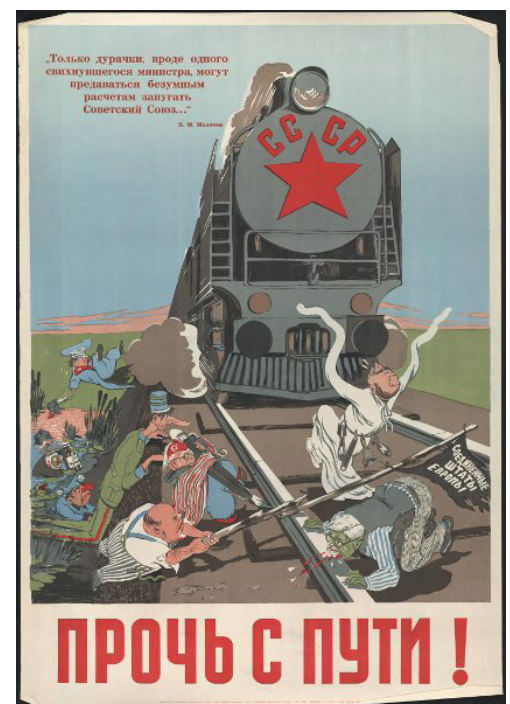
Итак, возникновение оружия разрушительной силы, его развитие и появление новых типов, гонка вооружений неизбежно способствовали возникновению целого ряда образов, связанных с ядерной угрозой. Они отражались в массовой культуре и СССР, и США и были тесно сопряжены с образом врага и функциями, которые он выполняет: укрепления коллективной идентичности, политической мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы [«Враг номер один...», с. 13–16].

Официальный пропагандистский дискурс обеих стран всегда апеллировал к противнику как экспортеру смертельной угрозы, возлагая вину за гипотетическое применение ядерного оружия и начало ядерного апокалипсиса исключительно на него. Прием противопоставления, часто встречающийся в плакатах холодной войны, давал возможность репрезентировать кардинальные отличия «своего» от «чужого», что способствовало поддержанию коллективной идентичности. Кроме того, сам факт применения ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки использовался для укрепления негативной идентичности советских людей, в которой образ «врага номер один» — жесткого, циничного преступника — занимал важнейшее место.

Страх перед врагом — основополагающий фактор политической мобилизации. Воплощение страха как социально-культурного феномена в массовой культуре свидетельствует о том, что он включал и растущее беспокойство относительно вероятности ошибки, рокового стечения обстоятельств, которое приведет к ядерному апокалипсису. Роль несчастного случая являлась важнейшим компонентом нарратива [Heed, Kubyshkin, с. 253]. Однако основной угрозой на протяжении всей холодной войны выступал именно сам враг — убийца и потенциальный виновник масштабной катастрофы планетарного масштаба. При этом именно тесная связь антиамериканского и антивоенного плаката усиливала влияние образа врага за счет постоянного напоминания о его человеконенавистнической сущности. Контрастность образов противника с образами женщин и детей — его жертв — не только создавали необходимые параллели, но и позволяли сформировать и закреплять единый пропагандистский дискурс.

Демонстрация агрессии врага служила фактором, позволяющим легитимировать насилие по отношению к нему, что ярко прослеживается как в массовой культуре США, так и СССР, например, в оригинальном по композиционному замыслу плакате Брискина и Иванова «Дело всенародное» (1953). По левому и правому краю плаката расположены изображения «поджигателей войны», в центре плаката — красноармеец, держащий в руках ноты и текст песни «Дело всенародное», в которой присутствует следующий куплет:

«...Мы на мирный разговор
Приглашаем нации,

Тема ядерной угрозы занимала заметное место и в механицистской форме дегуманизации: «враг номер один» создал оружие, которое он не в состоянии контролировать; то есть, советскому человеку, по сути, противопоставит не человек, а машина. Так, плакат Ефимова «Ядерной войне — нет!» изображает поставленное на колени существо в смиренной рубашке с атомной бомбой вместо головы.

В рамках функции легитимации власти демонстрировалось, что КПСС проводит мудрую политику, в том числе на международной арене, которая позволяет устранить угрозу ядерной войны; только коммунисты в состоянии обуздать агрессора и спасти как свою страну, так и человечество в целом (Ефимов, 1962; Абрамов, Брискин, 1974; Г. Наврозошвили, 1975; Сурьянинов, 1980), дополнительно акцентирующие внимание на стремлении к миру советского руководства и всего народа СССР вопреки попыткам врага дестабилизировать ситуацию, часто через цитаты советских лидеров и их визуализацию. При этом следует учитывать, что борьба за мир не только выступала одним из центральных тезисов советской идеологической доктрины, но и являлась животрепещущей темой для людей военного и послевоенного поколения, находившей живой отклик и у художников, и у аудитории. Об особом чувстве, осознании значимости темы борьбы за мир пишет Н. Ватолина [Ватолина, с. 47]. Иванов, характеризуя работу над своим плакатом «Не надо войны», отмечал: «В выборе текста я старался избежать высокопарности и остановился на таких простых словах, которые могут сорваться с уст каждого ребенка» [Иванов, с. 47].

Но сумеем дать отпор
Всякой провокации...».

К работам, призванным продемонстрировать мощь СССР и способность противостоять врагу, также можно отнести плакаты Е. Малолеткова «Коль забыли, где границы, — мы поможем “приземлиться”!» (1960); Долгорукова «Кто грозит стране Советов, — пусть запомнит навсегда: есть надежные ракеты у солдат страны труда» (1964), А. Доброва «Любого агрессора ждет такой же конец!» (1965). Однако необходимо подчеркнуть, что ни в одном из рассмотренных плакатов образ «своих» не ассоциируется с ядерным оружием; атомная бомба остается оружием агрессора.

В рамках легитимации насилия враг изображается таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему, насилие над ним или даже его уничтожение, что часто предполагает использование приема дегуманизации в двух его формах: анималистской, предполагающей уподобление врага животному, и механицистской, когда тот сравнивался с неодушевленным механизмом [«Враг номер один...», с. 14]. В анализируемых источниках прослеживается привлечение обеих форм. Анималистская форма дегуманизации предполагает лишение врага такого атрибута человечности, как разум; безумие являлась важнейшей чертой врага, тесно связанной с темой ядерной угрозы (что нашло выражение во многих произведениях — например, в фильме С. Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу», 1964). Сумасшедшими изображены и представители правящих кругов Запада и США на плакатах конца 1940-х — начала 1950-х гг. (Долгоруков, Ефимов. «Силы мира непобедимы!», 1949; Самойлов «Прочь с пути!», 1950) (Ил. 7).

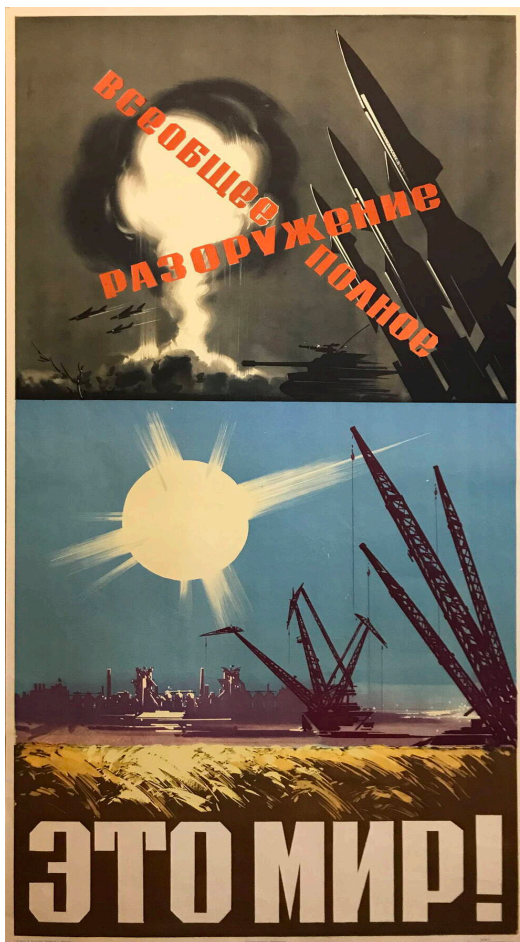
Наконец, немаловажную роль выполнял образ врага рассматриваемой темы и в рамках предсказания победы над врагом. О. Давыдова на примере художественного кинематографа эпохи холодной войны отмечает существовавшие различия в природе страха в США и в СССР, в настроениях, идеологических и дискурсивных практиках, замечая, что неотвратимость победы над врагом и оптимистическая окраска выступали одним из основных мотивов советской кинематографии [«Враг номер один...», с. 144]. Сходные нарративы прослеживались и в плакатном искусстве. При этом демонстрация неизбежного поражения врага, — несмотря на обладание им смертоносного оружия, — дополнительно подчеркивала силу и мощь СССР.

Характеристика общих тенденций в отражении ядерной угрозы в советских плакатах включает анализ репрезентации не только образа врага, но и образа героя. Главными героями советских плакатов на эту тему выступали и мужчины, и женщины, и дети. В этом случае отличия на протяжении всего периода холодной войны скорее заключались в отношении образа к темпоральной категории и непосредственному сюжету плаката. Так, обращение к актуальным вопросам настоящего времени чаще всего подразумевало изображение в качестве главного героя мужской фигуры — коммуниста, героя, борца за мир и справедливость. При этом на протяжении десятилетий образ меняется несущественно: на плакатах Корецкого, Иванова, Сурьянинова и других художников представлены рослые мужчины с одухотворенными лицами, позы и жесты которых демонстрируют решимость в борьбе с «поджигателями войны» и империалистами (Ил. 8).

Важнейшую роль в репрезентации ядерной угрозы играли женские и детские образы. Материнская фигура в произведениях массовой культуры эпохи холодной войны выражала «и мольбу о защите, и призыв бороться с врагом, и утверждение изобилия Советской страны, и призыв к миру с одновременным осуждением “поджигателей войны”» [Рябов, с. 39]. В целом, образ женщины

Ил. 8. Иванов К. «Набатный колокол, гуди!.. У человечества в груди, Гнев против сил войны буди!», 1962.

Ил. 9. Ватолина Н. «Мир!», 1965.

и ребенка в военной пропаганде способствовал реализации целого ряда функций — от политической мобилизации до предсказания победы. Критика врага, как замечает Н. Спутницкая, также может выстраиваться на подчеркнутом цинизме и жестоком отношении к детям [Спутницкая, с. 434]. В контексте темы, связанной с ядерным оружием, образы материнства и детства чаще всего появлялись в антивоенных плакатах, лишенных персонифицированного образа врага. К первой половине 1980-х гг. сюжеты этих плакатов визуализировали два варианта будущего: мирное и счастливое (М. Авакумов и О. Волковой «Мира тебе, будущее планеты Земля! В XXI век — без войн и оружия!», 1986) или трагичное (В. Соколов «Миру — да! Нет — войне!», 1983). Помимо этого, женский образ имел важное значение для легитимации насилия. В большинстве случаев он является центральным для произведений, посвященных трагедии Хиросимы и Нагасаки (плакат Я. Манухина «Хиросима не должна повториться», 1961 г.; рисунок Б. Пророкова из цикла «Это не должно повториться» «Помнить Хиросиму!», 1959, за который художник получил Ленинскую премию). Наконец, следует выделить и репрезентацию планеты в виде матери-Земли, как, к примеру, на плакате Ю. Николаева «Земля только для жизни» (1987) (Ил. 9).

Классифицируя символы в плакатах, посвященных ядерной угрозе, можно сделать вывод, что на протяжении всей холодной войны они практически не менялись. Визуализация борьбы за мир часто предполагала изображение сжатого кулака — символа готовности к борьбе, колокола — как призыва всем народам, цветов и сломанной бомбы. Несмотря на то, что образ бомбы или ракеты чаще всего выступал центральным символом, в ряде случаев композиционно он дополнялся другими символами с однозначно негативной коннотацией: черепами, костями, крестами (Абрамов «Нет нейтронной бомбе!», 1978; А. Браз «Нет войне!», 1979; Доленджашвили «Мир создавался веками, война разрушит его в миг», 1982; М. Цветов «Сфера жизненных интересов

США», 1984). При этом характерно, что в отличие от массовой культуры США, в которой на первом этапе холодной войны грибовидное облако стало не просто символом американского военного превосходства, а культурной иконой [Mortenson, p. 27], в советском политическом плакате на протяжении всей эпохи холодной войны изображение ядерного гриба было далеко не так распространено. Этот образ встречается всего на девяти из 80 рассмотренных плакатов (Ил. 10).

Важным аспектом анализа, без которого изучение заявленной темы было бы неполным, является изучение текстового содержания на плакатах. Большинству плакатов, посвященных ядерному оружию, не свойственны длинные лозунги. Напротив, они отличаются лаконичностью, краткостью и выражают категоричность суждения. Контент-анализ показал, что наиболее распространенными словами в лозунгах стали слова «мир» (25 в плакатах из 80 рассмотренных), «нет» (в 16 плакатах из 80), «война» (в 16 плакатах), что полностью соответствовало тематике антивоенных плакатов. Также часто в побудительных лозунгах использовались глаголы «остановить», «сберечь», «прекратить», «уничтожить» и т. д. Еще одна характерная тенденция заключается в том, что сама бомба (вне зависимости от ее типа: А, Н, N) или ракеты изображаются на плакате намного чаще, чем упоминаются в лозунгах. Так, изображение бомбы или МБР находит отражение в 31 плакате из 80 рассмотренных, тогда как в лозунгах к данным плакатам — всего в 8 случаях.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, тенденции визуальной репрезентации ядерной угрозы в советском плакате были напрямую связаны с конкретными периодами холодной войны, событиями, происходившими на международной арене и внутри СССР и эволюцией ядерного вооружения. Наиболее явственным отличием в данном случае выступает трансформация отношения к ядерному оружию — от мощного оружия в руках «поджигателей войны» во второй половине 1940-х гг. (Говорков «Не балуй!», 1948; Брискин «Прочь с дороги, поджигатели войны!», 1949; Корецкий «Крепи трудом мощь нашей страны в ответ зачинщикам новой войны!», «Мир победит», 1950) до глобальной угрозы всему человечеству к 1980-м гг. (Н. Волохо «Всем людям доброй воли!», 1982; Е. Каждан «Голос планеты: нет — ядерному безумию!», 1983 и т. д.). Тем не менее, на протяжении всей холодной войны прослеживается прямая взаимосвязь между антиамериканским и антивоенным плакатом. Особенно ярко это находило отражение в периоды обострения противоречий между Западным и Восточным блоками антиамериканские плакаты формировали и поддерживали образ противника как главного источника опасности человечеству.

Во-вторых, по итогам проведенной типологии ключевых символов, используемых в советских плакатах, следует отметить, что они, вне зависимости от позитивной или негативной коннотации, находят отражение как в политических плакатах с антиамериканской направленностью, так и в антивоенных плакатах. При этом наиболее распространенные из них — голубь, планета, сжатый кулак и т. д. — использовались в разных сюжетах. Это позволяет сделать вывод о том, что данные символы дополняли друг друга, в своем симбиозе актуализируя единый нарратив.

В-третьих, образ ядерной угрозы был одним из важнейших компонентов создания образа американского врага. Визуализация этой тематики позволяла показать представить врага агрессивным, безжалостным, циничным, не способным на милосердие и, в ряде случаев, безумным. Подобная репрезентация помогала реализовывать все функции образа врага — функции укрепления коллективной идентичности, политической мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти,

предсказания победы. Среди перечисленных особенно важной функцией представляется укрепление коллективной идентичности, поскольку нарратив о ядерной угрозе в его визуальном воплощении в плакатном искусстве проводил четкую символическую границу между «своими» и «чужими», представляя США в качестве источника гибели всей цивилизации и одновременно позволял представить СССР как спасителя человечества.

В-четвертых, отвечая на ключевой вопрос о целях создания данных образов и их значении, нельзя не отметить, что репрезентация ядерной угрозы на плакатах холодной войны, с одной стороны, соответствовала официальному пропагандистскому дискурсу, с другой — зеркально отражала трансформирующееся отношение к ядерному оружию и страхи перед ним. При этом обращение к данной тематике в других видах искусства (художественном и документальном кинематографе, музыке, литературе и т.д.) дает основание утверждать, что сюжеты плакатов, посвященных ядерной угрозе, являлись ярким примером формируемого и транслируемого восприятия этой сложной и неоднозначной темы в массовой культуре. Их имагологический потенциал следует оценивать, в первую очередь, в контексте тесной взаимосвязи с антивоенным нарративом. Вне зависимости от этапа, на котором находились советско-американские отношения, стремление к миру и нежелание войны находили и продолжают находить свое отражение не просто в качестве базового тезиса, а в виде основной компоненты этической системы.

С учетом этого, исходящая от противника угроза, его агрессия и милитаризм еще в большей степени подчеркивает глобальное отличие между «своим» и «чужим» и острую необходимость борьбы с врагом (в том числе, если потребуются, силовыми методами).

Источники

1. Абрамов М. «Нет нейтронной бомбе!», 1978.
2. Абрамов М. «Предложение СССР о взаимном отказе от нейтронного оружия», 1979.
3. Абрамов М. «Империя зла» (серия), 1983.
4. Абрамов М., Андреев А. «Диалог продолжить — мир сберечь, вот о чем идет сегодня речь», 1988.
5. Абрамов М., Брискин В. «За прочный мир! Будущее не за приверженцами «холодной войны», не за теми, кто хотел бы толкнуть народы в пропасть войны. Л.И. Брежнев», 1974.
6. Абрамов М., Добровольский В. «У нас — дружба, мир, героизм трудовой. У них — угнетенье, террор и разбой», 1979.
7. Авакумов М., Волкова О. «Мира тебе, будущее планеты Земля! В XXI век — без войн и оружия!», 1986.
8. Авакумов М., Волкова О. «Не дадим взорвать мир!», 1985–1986 гг.
9. Акопян Х. «Stop it! Останови!», 1983.
10. Арсеньев А., Успенский Б. «Ядерные взрывы должны перестать уродовать прекрасный лик нашего общего дома — планеты Земля». 1987.
11. Аслян А. «Нет!», 1958.
12. Бакланов А. «Нет Евросиме!», 1983.
13. Бегларян В. «Хиросима», 1974.
14. Браз А. «Нет войне!», 1979.
15. Браз А., Галкин А. «Нет безумию Пентагона!», 1982.
16. Брискин В. «Прочь с дороги, поджигатели войны!», 1949.
17. Брискин В. «Единство! Мир!», 1972.
18. Брискин В. «Смести с лица земли!», 1972.
19. Брискин В., Иванов К. «Дело всенародное», 1953.
20. Брискин В., Иванов К. «Атомная энергия — делу мира!», 1954.
21. Ватолина Н. «Мир!», 1965.
22. Ватолина Н. «Не для войны сыновей мы растим!», 1957.
23. Викторов В. «Всеобщее полное разоружение — это мир», 1963.
24. Витер В. «Нет!», 1983.
25. Витолс Е. «К 2000 году — без ядерного оружия!», 1988.
26. Волохо Н. «Всем людям доброй воли!», 1982.
27. Говорков В. «Не балуй!», 1948.
28. Голубев Ю. «Атому работать на мир, на коммунизм!», 1976.
29. Горохов Л. «Нейтронная ставка НАТО», 1983.
30. Горпенко А. «Разоружение — веление времени!», 1979.
31. Деев Ю. «Нет!», 1985.
32. Добров А. «Любого агрессора ждет такой же конец!», 1965.
33. Долгоруков Н. «Кто грозит стране Советов, — пусть запомнит навсегда: есть надежные ракеты у солдат страны труда», 1964.
34. Долгоруков Н., Ефимов Б. «Поджигателям новой войны следовало бы помнить позорный конец своих предшественников! Н. Булганин», 1948.
35. Долгоруков Н., Ефимов Б. «Силы мира непобедимы!», 1949.
36. Доленджашвили Г. «Мир создавался веками, война разрушит его в миг», 1982.
37. Ефимов Б. «За мир и разоружение», 1962.
38. Ефимов Б. «Ядерной войне — нет!», 1973.
39. Житомирский А. «Нет!», 1979.
40. Житомирский А. «Снять бремя вооружений!», 1959.

41. Иванов В. «Не войне, а миру», 1985.
42. Иванов В. «Не допустим!», 1955.
43. Иванов В. «Не надо войны!», 1962.
44. Иванов К. «Набатный колокол, гуди! У человечества в груди, Гнев против сил войны буди!», 1962.
45. Иванов К. «Наше предложение — разоружение!», 1962.
46. Игнатъев В. «Наша политика — политика мира», дата неизвестна
47. Ишмаметов М. «Вандалы XX века», 1965.
48. Каждан Е. «Голос планеты: нет — ядерному безумию!», 1983.
49. Каждан Е., Грачев А., Алексеев В. «Нет! US.», 1982.
50. Каждан Е., Грачев А., Богомоллов Ю. «За мир, за переговоры, за ограничение любых видов вооружений!», 1982.
51. Кашкуревич А. «Атом — делу мира!», 1963.
52. Ковенчук Г. «Мы предлагаем: Дерево этой проклятой породы свалено будет по воле народа!», 1960.
53. Корецкий В. «Достижения науки — производству», 1971.
54. Корецкий В. «Крепи трудом мощь нашей страны в ответ зачинщикам новой войны!», 1950.
55. Корецкий В. «Мир победит», 1950.
56. Корецкий В. «Мы требуем мира!», 1950.
57. Корецкий В. «Остановить!», 1981.
58. Малолетков Е. «Коль забыли, где границы, — мы поможем “приземлиться”!», 1960.
59. Манухин Я. «Хиросима не должна повториться», 1961.
60. Маркович М. «Остановите ядерное безумие! Помните Хиросиму! Август 1945 г.», 1982.
61. Мاستикаш М. «Земля для плуга, а не для ракет!», 1988.
62. Михалкин А. «Прекратить милитаризацию космоса!» 1984 г.
63. Моргнер Б., Моргнер В., Грумбах Л. «Хлебу — да! Войне — нет!», 1985.
64. Наврозошвили Г. «Укрепим мир, мирное сосуществование, превратим в норму мирные отношения с государствами. Брежнев», 1975.
65. Неснова Т. «За мир и жизнь, против ядерной войны», 1983.
66. Николаев Ю. «Земля только для жизни», 1987.
67. Омуров У. «Нет нейтронной бомбе», 1979.
68. Поляков В. «Обжалованию не подлежит», 1981.
69. Пономарева В. «Нейтронную бомбу характеризуют как бомбу, которая убивает людей, но щадит материальные ценности», 1985.
70. Раев С. «“Мы глубоко убеждены, что задача ограничения вооружений является главной для сохранения и дальнейшего развития разрядки”. Л. И. Брежнев», 1978.
71. Самойлов Л. «Прочь с пути!», 1950.
72. Синишин А. «Ядерную энергию — на службу мира и прогресса!», 1987.
73. Смирнова И. «Нет нейтронной бомбе!», 1987.
74. Смирнова И. «Нет нейтронной бомбе!», 1987.
75. Соколов В. «Миру — да! Нет — войне!», 1983.
76. Сурьянинов Р. «“Мир, разрядка, разоружение. Этот курс сочетает последовательное миролюбие с твердым отпором агрессии: с этого курса нас не собьет никто”. Л. Брежнев», 1980.
77. Сурьянинов Р. «Народы мира требуют прекратить гонку вооружений!», 1975.
78. Тарасов А. «Уничтожить», 1988.
79. Тарасова Л. «Я, ты, он, она, вместе мы против войны!», 1983.
80. Цветов М. «Сфера жизненных интересов США», 1984.

Литература

- Бабурина — Бабурина Н. И. Политический плакат художников РФ. Л.: Художник РСФСР, 1975. 36 с.
- Бабурина, Вашик — Бабурина Н., Вашик К. Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 422 с..
- Бойко — Бойко А. А. Иконографическая типология авторского политического плаката периода перестройки // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 173–178.
- Ватолина — Ватолина Н. Н. Мы — плакатисты. М.: Советский художник, 1970, 79 с.
- Вашик — Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага / под ред. Л. Гудкова. М.: ОГИ. 2005, С. 191–229.
- Вашук — Вашук О. А. Социально-политический плакат эпохи перестройки: карнавалльно-утопическое в коммуникативном пространстве «поздней советской цивилизации» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 2. С. 232–240.
- Ворошилова — Ворошилова М. Б. «Дружба крепкая не сломается»: визуальные символы дружбы в советском политическом плакате // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 91–94.
- «Враг номер один...» — «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Под редакцией О. В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
- Голубев, Поршнева — Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
- Демосфенова, Нурок, Шантыко — Демосфенова Г. Л., Нурок А. Ю., Шантыко Н. И. Советский политический плакат. М.:

Искусство, 1962. 443 с.

Дериглазова — Дериглазова Л. В. Участие антиядерного движения в формировании взглядов молодежи по вопросам войны и мира в США в 1980-е годы: мотивы, формы, достижения // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 21–38.

Егорова — Егорова Н. И. Европейская безопасность, 1954–1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сборник статей. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 3–18.

Житомирский — Житомирский А. А. Искусство политического фотомонтажа. Советы художнику: Альбом. М.: Плакат, 1983. 120 с.

Журавлева — Журавлева В. И. Карибский кризис и ядерная угроза в советской и американской карикатуристике: две версии одной истории // Новый исторический вестник. 2023. № 2(76). С. 76–99.

Иванов — Иванов В. С. Как создается плакат. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1963. 61 с.

Киуру — Киуру К. В. Визуальная коммуникация в тоталитарной пропаганде: создание и трансляция мифа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 5 (22). С. 44–50.

Клещенко, Рябова — Клещенко Л. Л., Рябова Т. Б. «Куба — любовь моя»: Символизм мужского и женского в советских репрезентациях острова Свободы // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 33–47.

Кудин, Ломов, Митькин — Кудин П. А., Ломов Б. Ф., Митькин А. А. Психология восприятия и искусство плаката. М.: «Плакат», 1987. 208 с.

Маленков — Маленков Г. М. Речь на траурном митинге в день похорон Иосифа Виссарионовича Сталина на Красной площади. 9 марта 1953 года. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 15 с.

Мамедова — Мамедова А. О. Символы войны и мира в советском политическом плакате и карикатуре периода «холодной войны» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 110–115.

Мельникова — Мельникова Н. В. Формирование образа «атомного» СССР на Западе в 1945–1950 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 12 (680). С. 38–44.

Николаева — Николаева М. Ф. Динамика образа врага в советском плакате (1917–1941) и модели идентификации советского человека // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 372–386.

Новая редакция программы КПСС — Новая редакция программы КПСС. 1986 г. URL: <http://xn—e1aejmenocxq.xn—plai/node/14030> (дата обращения 19.05.2024).

Полынов — Полынов М. Ф. «Постоянно советская сторона делала значительные уступки...». Политика ядерного разоружения М. С. Горбачева. 1985–1991 гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 4 (33). С. 45–49.

Программа КПСС — Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. URL: <http://museumreforms.ru/node/13891> (дата обращения: 19.03.2024)

Решения партии... — Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 14. Апрель 1981 г. — декабрь 1982. М.: Политиздат, 1983.

Рожановская — Рожановская Н. К. Ядерная политика США и СССР в 1945–1954 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 78–81.

Россия и мир глазами друг друга... — Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1–5. / Отв. ред.: Голубев А. В. М.: Институт российской истории РАН, 2000–2009.

Рябов — Рябов О. В. «Родина — Мать»: история образа // Женщина в российском обществе. 2006. № 3 (40) С. 33–46.

Рябова — Рябова Т. Б. Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 90–106.

Сенявский, Сенявская — Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2. С. 54–72.

Спутницкая — Спутницкая Н. Ю. Американский беби-бум и советский пионерский лагерь: враги и «скрытая угроза» в детском кино СССР и США 1930–1960-х // Художественная культура. 2021. № 3 (38). С. 420–451.

Сталин и космополитизм — Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М.: Международный Фонд «Демократия»; Материк, 2005. 768 с.

Фатеев — Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 1999. 261 с.

Федосов — Федосов Е. А. Начало холодной войны глазами советского плаката (на основе анализа материалов 1944–1953 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 147–154.

Холловэй — Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 625 с.

Юдин — Юдин К. А. Культурное пространство холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2023. Т. 23. Вып. 4. С. 438–446.

Bonnell — Bonnell V. E. Iconography of power: Soviet political posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1997. 385 p.

Crowley — Crowley D. Posters of the Cold War. New York: V & A Publishing, 2008. 112 p.

Masnov — Masnov J. «If I Pick Flowers»: Posters, Popular Culture, and Gorbachev's Reforms in the 1980's // Armstrong Undergraduate Journal of History. 2017. N2. P. 115–129.

McCallum — McCallum C. The Fate of the New Man: Representing & Reconstructing Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945–1965. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2018. 259 p.

Mortenson — Mortenson E. Ambiguous Borderlands: Shadow Imagery in Cold War American Culture. Carbondale: Southern Illinois University Press, 2016. 326 p.

Riabova — Riabova T. B. “May There Always Be Sunshine!”: A Symbol of Childhood in Soviet and American Cold War Songs // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 1. С. 16–25.

Vision and Communism — Vision and Communism: Viktor Koretsky and Dissident Public Visual Culture / Edit. by Bird R., New York: The New Press, 2011. 157 p.

References

- Baburina, N. I. *Politicheskij plakat hudozhnikov RF* [Political poster by Russian artists]. Leningrad, Artist of the RSFSR, 1975, 36 p. (in Russian)
- Baburina, N., Vashik, K. *Real'nost' utopii: iskusstvo russkogo plakata XX v.* [The reality of utopia: the art of Russian posters of the 20th century]. Moscow, Progress-Traditsia, 2004, 300 p. (in Russian)
- Bojko, A. A. *Ikongraficheskaya tipologiya avtorskogo politicheskogo plakata perioda perestrojki* [Iconographic typology of the author's political poster of the perestroika period]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2010, no. 2, p. 173–178. (in Russian)
- Bonnell, V. E. *Iconography of power: Soviet political posters under Lenin and Stalin*, Berkeley, 1997, 385 p.
- Crowley, D. *Posters of the Cold War*. New York, V & A Publishing, 2008, 112 p.
- Demosfenova, G. L., Nurok, A. YU., Shantyko, N. I. *Sovetskij politicheskij plakat* [Soviet political poster]. Moscow, Art, 1962, 443 p. (in Russian)
- Deriglazova, L. V. *Uchastie antiyadernogo dvizheniya v formirovanii vzglyadov molodezhi po voprosam vojny i mira v SSHA v 1980-e gody: motivy, formy, dostizheniya* [Participation of the anti-nuclear movement in shaping the views of young people on issues of war and peace in the USA in the 1980s: motives, forms, achievements]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2003, no. 276, p. 21–38. (in Russian)
- Egorova, N. I. *Evropejskaya bezopasnost', 1954–1955 gg.: poiski novyh podhodov* [European security, 1954–1955: search for new approaches]. *Cold War. 1945–1963 Historical retrospective: Collection of articles*. Moscow, OLMA-PRESS, 2003, p. 455–487. (in Russian)
- Fateev, A. V. *Obraz vruga v sovetskoj propagande. 1945–1954 gg.* [The image of the enemy in Soviet propaganda. 1945–1954]. Moscow, Publishing center of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1999, 261 p. (in Russian)
- Fedosov, E. A. *Nachalo holodnoj vojny glazami sovetskogo plakata (na osnove analiza materialov 1944–1953 gg.)* [The beginning of the cold war as depicted in the soviet posters of 1944–1953]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2016, no. 404, p. 147–154. (in Russian)
- Golubev, A. V., Porshneva, O. S. *Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovyyh vojn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moscow, New Chronograph, 2012, 392 p. (in Russian)
- Hollovej, D. *Stalin i bomba: Sovetskij Soyuz i atomnaya energiya. 1939–1956* [Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956]. Trans. from English, Novosibirsk, Siberian Chronograph, 1997, 625 p. (in Russian)
- Ivanov, V. S. *Kak sozdaetsya plakat* [How a poster is created]. Moscow, Publishing House of the Academy of Arts of the USSR, 1963, 61 p. (in Russian)
- Kiuru, K. V. *Vizual'naya kommunikaciya v totalitarnoj propagande: sozdanie i translyaciya mifa* [Visual communication in totalitarian propaganda: creation and transmission of myth]. *Sign: problem field of media education*, 2016, no. 5 (22), p. 44–50. (in Russian)
- Kleshchenko, L. L., Ryabova, T. B. “Kuba — lyubov' moya”: Simvolizm muzhskogo i zhenskogo v sovetskih reprezentacijah ostrova Svobody [“Cuba is my love”: the symbolism of male and female in the soviet representations of the island of freedom]. *Woman in Russian society*, 2022, no. 4, p. 33–47. (in Russian)
- Kudin, P. A., Lomov, B. F., Mit'kin, A. A. *Psihologiya vospriyatiya i iskusstvo plakata* [Psychology of perception and the art of posters]. Moscow, “Poster”, 1987, 208 p. (in Russian)
- Malenkov, G. M. *Rech' na traurnom mitinge v den' pohoron Iosifa Vissarionovicha Stalina na Krasnoj ploschadi. 9 marta 1953 goda* [Speech at a funeral meeting on the day of the funeral of Joseph Vissarionovich Stalin on Red Square. March 9, 1953]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1953, 15 p. (in Russian)
- Mamedova, A. O. *Simvoly vojny i mira v sovetskom politicheskom plakate i karikature perioda «holodnoj vojny»* [the symbols of war and peace in soviet political posters and cartoons of the cold war period]. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 2013, no. 1, p. 110–115. (in Russian)
- Masnov, J. «If I Pick Flowers»: Posters, Popular Culture, and Gorbachev's Reforms in the 1980's. *Armstrong Undergraduate Journal of History*, 2017, no 2. p. 115–129.
- McCallum, C. *The Fate of the New Man: Representing & Reconstructing Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945–1965*. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2018, 259 p.
- Mel'nikova, N. V. *Formirovanie obraza «atomnogo» SSSR na Zapade v 1945–1950 gg.* [Shaping by the West of the nuclear Soviet Union's image from 1945 to 1950]. *Military historical magazine*, 2016, no. 12 (680), p. 38–44. (in Russian)
- Mortenson, E. *Ambiguous Borderlands: Shadow Imagery in Cold War American Culture*. Carbondale, Southern Illinois University Press, 2016, 326 p.
- Nikolaeva, M. F. *Dinamika obraza vruga v sovetskom plakate (1917–1941) i modeli identifikacii sovetskogo cheloveka* [Dynamics of the image of enemy in the soviet posters (1917–1941) and the models of identification for a soviet citizen]. *Dialogue with time*, 2012, Is. 39, p. 372–386. (in Russian)
- Novaya redakciya programmy KPSS. 1986 g* [New edition of the CPSU program. 1986]. URL: <http://xn—e1aaejmenocxq.xn—p1ai/node/14030> (data obrashcheniya 19.05.2024) (in Russian)
- Polynov, M. F. «Postoyanno sovetskaya storona delala znachitel'nye ustupki. . .». *Politika yadernogo razoruzheniya M. S. Gorbacheva. 1985–1991 gg.* [“The Soviet side constantly made significant concessions...” Nuclear disarmament policy of M. S. Gorbachev. 1985–1991]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2014, no. 4 (33), p. 45–49. (in Russian)

- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzu. 1961 g.* [Program of the Communist Party of the Soviet Union. 1961].— Rezhim dostupa: URL: <http://museumreforms.ru/node/13891> (data obrashcheniya 19.05.2024) (in Russian)
- Resheniya partii i pravitel'stva po hozhaystvennym voprosam* [Party and government decisions on economic issues. Sat. doc. T. 14. April 1981 — December 1982]. Moscow, Politizdat, 1983. (in Russian)
- Riabova, T. B. “May There Always Be Sunshine!”: A Symbol of Childhood in Soviet and American Cold War Songs. *Science journal of Volgograd State university. History. Area Studies. International Relations*, 2024, no. 1, p. 16–25.
- Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatya.* [Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception. Vol. 1–5.]. Rep. ed.: Golubev A. V. Moscow, Institute of Russian History RAS, 2000–2009. (in Russian)
- Rozhanovskaya, N. K. Yadernaya politika SSHA i SSSR v 1945–1954 gg. [Rozhanovskaya N. K. Nuclear policy of the USA and the USSR in 1945–1954]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2010, no. 333, p. 78–81. (in Russian)
- Ryabov, O. V. «Rodina — Mat'»: istoriya obraza [“Motherland”: the history of the image]. *Woman in Russian society*, 2006, no. 3 (40), p. 33–46. (in Russian)
- Ryabova, T. B. Stereotipizatsiya kak oruzhie propagandy holodnoy vojny: voinskaya maskulinnost' v sovetskoj pesne [Stereotyping as a Weapon of Cold War Propaganda: Military Masculinity in Soviet Songs. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo]. *Social Psychology and Society*, 2022, vol. 13, no. 4, p. 90–106. (in Russian)
- Senyavskij, A. S., Senyavskaya, E. S. Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya «obraza vraga» (na materialah rossijskoj istorii XX v.) [Historical imagology and the problem of forming the “image of the enemy” (based on materials of Russian history of the 20th century)]. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia*, 2006, no. 2, p. 54–72. (in Russian)
- Sputnickaya, N. YU. Amerikanskij bebi-bum i sovetskij pionerskij lager': vragi i «skrytaya ugroza» v detskom kino SSSR i SSHA 1930–1960-h [American baby boom and the soviet pioneer camp: enemies and the “hidden threat” in the children's cinema of the ussr and the usa in the 1930s and 1960s]. *Art culture*, 2021, no. 3 (38), p. 420–451. (in Russian)
- Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK* [Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of Agitprop of the Central Committee]. Edited by A. N. Yakovleva; comp. D. G. Najafov, Z. S. Belousova, Moscow, International Foundation “Democracy”; Mainland, 2005, 768 p. (in Russian)
- Vashchuk, O. A. Social'no-politicheskij plakat epohi perestrojki: karnaval'no-utopicheskoe v kommunikativnom prostranstve «pozdney sovetskoj civilizatsii» [Socio-political posters of the perestroika period: carnival-utopian discourse in the communicative space of the “late soviet civilization”]. *Bulletin of St. Petersburg University. Art history*, 2013, no. 2, p. 232–240. (in Russian)
- Vashik, K. Metamorfozy zla: nemecko-russkie obrazy vraga v plakatnoj propagande 30–50-h godov [Metamorphoses of evil: German-Russian images of the enemy in poster propaganda of the 30–50s]. *Image of the enemy* / ed. L. Gudkova. Moscow, OGI, 2005, p. 191–229. (in Russian)
- Vatolina, N. N. *My — plakatisty* [We are poster artists]. Moscow, Soviet artist, 1970, 79 p. (in Russian)
- “Vrag nomer odin” v simvolicheskoy politike kinematografij SSSR i SSHA perioda holodnoy vojny [“Enemy Number One” in the Soviet and American Movies Suring the Cold War] / pod redaktsiey O. V. Ryabova. Moscow, Aspekt Press, 2023, 400 p. (in Russian)
- Vision and Communism: Viktor Koretsky and Dissident Public Visual Culture* / Edit. by Bird R. New York, The New Press, 2011, 157 p.
- Voroshilova, M. B. «Druzhba krepkaya ne slomaetsya»: vizual'nye simvolyy druzhby v sovetskom politicheskom plakate [“A friend in need is a friend indeed”: visual symbols of friendship in the soviet political poster]. *Political linguistics*, 2015, no 3, p. 91–94. (in Russian)
- Yudin, K. A. Kul'turnoe prostranstvo holodnoy vojny: obraz vraga v sovetskoj i amerikanskoj publicistike [The cultural space of the cold war: the image of the enemy in soviet and american journalism]. *News of Saratov University. New episode. Series History. International relationships*, 2023, vol. 23, issue 4, p. 438–446. (in Russian)
- Zhitomirskij, A. A. *Iskusstvo politicheskogo fotomontazha. Sovety hudozhniku: Al'bom* [The art of political photomontage. Advice to the artist: Album]. Afterword by J. Hartfield, A. L. Russov. Moscow, Poster, 1983, 120 p. (in Russian)
- Zhuravleva, V. I. Karibskij krizis i yadernaya ugroza v sovetskoj i amerikanskoj karikaturistike: dve versii odnoj istorii [The Cuban missile crisis and the nuclear threat in Soviet and American cartoons: two versions of one story]. *New Historical Bulletin*, 2023, no. 2(76), p. 76–99. (in Russian)